

Тацуро Хори

ТРИ РАССКАЗА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Тацуро Хори (1904–1953) — японский прозаик, поэт и переводчик, признанный не только в Японии, но и за ее пределами, но мало известный в России. Среди его работ — повесть «Ветер поднялся» (послужившая одним из источников сюжета известного анимационного фильма Хаяо Миядзаки «Ветер крепчает»), а также повести «Прекрасное селение», «Детство», роман «Наоко» и др.

Рассказы, представленные в НЮ, относятся к раннему периоду творчества писателя: «Пейзаж» был впервые опубликован в 1926 г., «Мышь» и «Набросок смерти» увидели свет чуть позже, в 1930 г.

Три эти миниатюры, на первый взгляд, совершенно различны, но есть в них и нечто общее: все они по-своему напоминают игру в «верю — не верю» и, одновременно, ленту Мёбиуса. Все в них, вплоть до мельчайших деталей, сюжетно увязано воедино. Но какое звено в цепочке описываемых событий является причиной, а какое — следствием, очевидно не всегда.

В то же время все три сюжета разворачиваются «на грани» — на грани воображаемого или, возможно, сна. При этом граница между действительностью и миром фантазий отнюдь не является в них непреодолимым препятствием: эти сферы свободно сообщаются и, в конце концов, следуя изгибам все той же ленты Мёбиуса, перетекают друг в друга. И потому небывлицы порой подменяют героям реальность, любое, даже весьма странное предположение спокойно принимается за неопровержимую истину, а у явлений исключительно обыденных обнаруживается вдруг совершенно фантастическая «изнанка».

Наконец, во всех трех историях подкупает ощущение легкой неопределенности и свободы от диктата здравого смысла. Кто сказал, что лево — это всегда лево, а право — обязательно право? На каком основании мы решаем, что заслуживает нашего доверия, а что — нет? И почему принято считать, будто на факте якобы ложном ничего возводить не стоит? Мы назовем правдой одно, другие — другое. И кто тут разберется? Да и зачем?

Екатерина ЮДИНА

ПЕЙЗАЖ

На пристани, как всегда, былолюдно: повсюду сновали матросы, от которых за версту разило спиртным, рабочие деловито разгружали судно. Я решил не лезть в толчею, а, напротив, пойти поискать тишины и уединения. По пути я забредал то в один, то в другой уголок и, когда совсем уже заплутал, оказался вдруг в одном довольно странном месте.

Но стоило только подумать о том, что выглядит оно весьма необычно, как меня охватило волнение. Подобное чувство обычно испытываешь, когда открываешь для себя новый, не виданный ранее пейзаж.

Вокруг было невероятно тихо. Я не очень хорошо понимал, где именно нахожусь, но судя по тому, что попал я сюда, когда заблудился, бесцельно гуляя вокруг пристани, то и этот закуток, несомненно, принадлежал той же набережной. Я был уверен в одном: причал остался где-то далеко. Долетавшие до меня отзвуки его разноголосицы были настолько слабыми, что не нарушали, а лишь подчеркивали царившую здесь тишину.

На берегу, в широком кольце высокой ограды, возвышалось обветшалое здание. Других построек рядом не было, но оно одно сильно ограничивало обзор и, кроме того, затеняло собой береговую линию, так что с того места, где я стоял, можно было любоваться лишь морем. Мне подумалось, что здесь, должно быть, располагался самый край набережной; а сам я, похоже, каким-то образом забрел во внутренний двор этого дома. Впрочем, обычного для таких мест садика я не наблюдал: в ограде не росло не единого деревца. Просто участок голой земли, из которой кое-где торчали редкие сорняки. Вдобавок ко всему со стороны моря не было ничего, что напоминало бы вал или береговую насыпь, и двор внезапно обрывался прямо в воду.

На волнах, посреди лоскута водной поверхности, что попадал в мое скромное поле зрения, покачивался одинокий пароход. Он выглядел таким старым, словно достался этому берегу в наследство от прошедших эпох. И хотя в облике его было что-то от детских игрушечных корабликов, размеры поражали воображение. Возникало даже чувство какой-то дисгармонии: будто огромному судну на этом пейзаже не хватало места, и оно стремилось вырваться за рамки картины. Это ощущение, похоже, усиливалось из-за того, что освещенный косыми солнечными лучами корпус машины отбрасывал на воду чудовищно длинную тень.

Я, как малое дитя, с восторгом разглядывал пароход, когда взгляд мой невольно скользнул выше, в небо. Там что-то переливалось на свету, поблескивая, словно мелкие стеклышки. Над пароходной мачтой проплывали стайкой маленькие белоснежные облачка. Некоторые из них, неспешно прокладывая себе путь вперед, были похожи на разных рыб. В других было что-то от медуз. Третьи, застывшие неподвижно, напоминали красивые ракушки. Как будто в небесах зеркально отразились все сокровища морских глубин. Когда ранее я оглядывал окрестности, мне казалось, что вдали я смутно различаю полоску суши и даже могу разглядеть там группу зданий в европейском стиле, похожих на рассыпанные по столу игральные кости. Но пока я любовался небесами, далекий оазис уплыл ввысь — к мачте корабля. Эти «замки» тоже оказались воздушными...

Я был пленен не столько незатейливой прелестью этого пейзажа, сколько чем-то неявным, его особой аурой. Самое первое мое впечатление — то изумление, которое испытываешь, открывая для себя новые виды, — все еще жило во мне, до сих пор не утратив своей свежести. Так что же это такое? Позабыв о пароходе и облаках, которыми любовался до сих пор в каком-то детском упоении, я пустился в философские рассуждения об истинной природе представшей передо мной картины... И пришел к мысли, что красота этой местности сродни очарованию некоторых выражений на обычных и самых простых человеческих лицах. Точнее было бы сказать, что весь этот пейзаж выглядел как будто чрезвычайно смущенным. Так реагируют впечатлительные юные барышни, поймав на себе чересчур пристальный посторонний взгляд. Волны накатывали на берег одна за другой, и за непрерывным колебанием вод мне чудилось учащенное биение взволнованного сердца...

Неожиданно внимание мое привлекло какое-то движение на палубе корабля. Я прищурился, пытаюсь разглядеть, что там происходит. Когда от напряжения уже заболело между бровей, я, наконец, заметил матроса. Тот стоял, облокотившись на фальшборт, и вкусно, со смаком курил, попыхивая сигаркой.

Увидев струйку дыма, я и сам захотел курить. Достал из портсигара сигарету и зажал ее в зубах. Но под руку постоянно задувал сильный ветер и никак не давал зажечь спичку. Пока я сражался с ним, мне вдруг вспомнилось, как совсем недавно плыли в вышине похожие на рыб облака: «Ээ, гиблое дело, на таком ветру...»

Я непроизвольно огляделся вокруг. Взгляд мой упал все на ту же обветшалую постройку. «Вот и славно, там точно можно будет укрыться от ветра», — решил я и без промедления направился к дому. Но когда я вплотную подошел к запыленной стене, то обнаружил одну неожиданную и удивительную вещь: от ее обшарпанной на вид поверхности почему-то явственно пахло свежей краской. Посчитав, что меня подводит обоняние, я не придавал этому наблюдению особого значения и попытался было прикурить, но оказалось, что ветер здесь, напротив, задувает еще сильнее. Возможно, виной тому были именно стены, встававшие преградой на его пути. Я упорно топтался около здания в поисках тихого безветренного закутка, но лишь впустую, одну за другой изводил спички.

Неожиданно раздался резкий звук. Он так ударил по ушам, словно мне в голову швырнули пригоршню гальки. Я в растерянности оглянулся. В стене, прямо надо мной, виднелось застекленное оконце. До сих пор я совершенно не обращал на него внимания. Сейчас оно было распахнуто настежь. В следующее мгновение в раскрытом окне показалось перекошенное от гнева лицо какого-то мужчины европейской наружности.

— Здесь курить нельзя! — ни с того, ни с сего закричал он на меня.

Я опешил, совершенно не понимая, что происходит, и в ответ на окрик лишь нахмурился и адресовал мужчине в окне полный недовольства взгляд. В тот момент в его облике, особенно в похожих на две толстые сигары коричневых усах, мне почудилось что-то смутно знакомое. Впрочем, дежавю это длилось не более секунды, потому что лицо мужчины почти сразу скрылось, и стеклянная створка с тем же невообразимым грохотом захлопнулась.

По-прежнему сжимая в зубах незажженную сигарету, я поспешил уйти — подальше от окна, а потом и вовсе — прочь из этого места. В какой-то момент я, видимо, начал рассеянно покусывать кончик сигареты и теперь, вконец измусолив тонкую бумагу, ощущал во рту странную горечь, источаемую табачными листьями.

Ничего не оставалось, как покинуть двор. Когда я уходил, взгляд мой случайно упал на нечто, отдаленно напоминающее ворота. Ветхая деревянная конструкция уже почти рассыпалась в щепу. Неудивительно, что по пути сюда я совершенно не обратил на нее внимания.

Мне вдруг стало интересно, что же это было за здание, и я принялся осматривать ворота в поисках какой-нибудь вывески. Таблич-

ка нашлась довольно скоро. Вот только некоторые символы на ней совсем уже стерлись, и надпись читалась с трудом. В конце концов, мне удалось не то разобрать, не то угадать написанное: «...таможня».

«Вот оно что! Так здесь располагается таможня? Да уж, курить в таком месте — это, конечно, как-то... Пойдите-ка! А вдруг этот напоминающий европейца господин, отчего-то показавшийся мне знакомым, — тот самый «Таможенник» Руссо¹? Я никогда не видел этого человека вживую, только его автопортрет, но мужчина, внезапно выглянувший из окна, был очень на него похож».

Пока в голове моей вертелись эти мысли, я внезапно вспомнил, что от здания пахло свежей краской. Уж не был ли это запах красок, которые использовал в своей мастерской Руссо? А если так, то художник, очарованный тем же видом, что пленил меня самого, наверняка запечатлевал сейчас этот пейзаж на своем полотне. Вот он стоит, погруженный в свою работу, и вдруг гробовую тишину его мастерской нарушают доносящиеся из-за окна звуки «шурх-шурх... шурх-шурх»: кто-то без остановки чиркает спичками. Поначалу художник не обращает на эти шорохи особого внимания, но они не стихают и все больше действуют на нервы. Ему начинает казаться, что кто-то издевается над ним, он потихоньку теряет терпение и, в конце концов, не выдержав, подбегает к окну. Распахивает створки и, когда видит снаружи какого-то мужчину, тут же разражается криком...

Как только фантазия разыграла передо мной эту сценку, мир вокруг как будто озарился ясным светом. Может ли быть, чтобы я испытал подобный восторг лишь потому, что представил себе, как Анри Руссо работает внутри здания таможни над пейзажем, изображая открывшийся мне уголок природы? И меня, совершенно стороннего человека, так глубоко тронула воображаемая красота воображаемой картины?

Это неожиданная мысль вернула мне бодрость духа. Во мне как будто боролись, без конца сменяя друг друга, радость и печаль. Такой уж это был день: когда и лето с осенью, кажется, соперничали в чем-то. Стараясь двигаться как можно тише и незаметнее, я ушел от ворот таможни, так и не прикурив.

¹Анри Жюльен Фелис Руссо (1844—1910) по прозвищу «Таможенник», знаменитый французский художник, до 41 года работал клерком в таможенном департаменте Парижа. По воспоминаниям современников, каждую свободную минуту, даже на работе, во время дежурств, Руссо посвящал занятиям живописью.

МЫШЬ

Игры их напоминали мышиную возню...

Мальчишки отыскивали где-то кучу старых татами², притащили их в сарай рядом с заброшенным домом, разложили рядком поверх потолочных балок, и получилось у них в закутке между балками и крышей что-то вроде комнатки. И хотя в убежище этом сильно пахло плесенью, лучшего места для игр, в котором обожавшая секреты детвора могла бы столь же надежно укрыться от чужих глаз, нельзя было и придумать.

Там всегда царил полумрак. Поэтому, спрятавшись в сарае, мальчишки даже среди бела дня были как будто погружены в свои сновидения. Всем им было лет по десять. Как только заканчивались школьные занятия, они ненадолго заглядывали домой, чтобы, скинув ранцы и сандалии-дзори³, схватить взамен что-нибудь для игр, — и тут же снова убегали. Некоторые из них потихоньку таскали у родителей сигареты. Когда эти отчаянные головы приходили в укрытие с уловом, каждую сигарету раскуривали на двоих-троих, затягиваясь по очереди. Так все и шло, пока в один прекрасный день кто-то из мальчишек не притащил тайком из дома гипсовую женскую фигурку (статуэтка, между прочим, изображала саму Венеру). Поначалу она вызвала лишь недоумение. Потом ее начали осторожно, как нечто таинственное и непонятное, передавать по кругу из рук в руки. Но вскоре кто-то из ребят, решив еще раз прикоснуться к диковинке, нарушил очередность, и началась драка. Пока друзья-товарищи сражались за статуэтку, ей поотбивали все руки и ноги: гипс разлетелся на мелкие осколки. В итоге закончилось все еле сдерживаемым приглушенным смехом... Впрочем, ребята даже во время своей глупой потасовки почти не издавали звуков. Ведь стоило кому-то из них закричать в полный голос, и он, без всяких сомнений, тут же был бы наказан — как злостный нарушитель установленных в их компании правил: мальчишки ревностно оберегали тайну своего убежища для игр. Точно так же, как поэтов волнуют и вдохновляют существующие законы построения рифмы, так и ребят будоражила необходимость

² Татами — плотные соломенные маты, которые используются в традиционных японских интерьерах для настилки полов.

³ Дзори — традиционная японская обувь, плоские сандалии из соломы, кожи, ткани или других материалов.

соблюдать некие договоренности. Это делало игры в убежище куда увлекательнее, и мальчишки это понимали.

Так повторялось изо дня в день: детвора забиралась в свою комнатку и шуршала там в свое удовольствие, словно стайка мышей.

Но однажды в сарае случилась беда: под крышей постройки объявился гипсовый призрак.

Неясно было, кто первым пустил этот слух, но он быстро разнесся среди друзей...

Как-то вечером один из ребят задержался в убежище. Все уже разошлись по домам, а этот все еще сидел наверху. В какой-то момент он начал рассеянно собирать разбросанные тут и там гипсовые осколки. Искал их в темноте на ощупь и складывал вместе. Затем попробовал подобрать один к другому и в итоге, повертев их так и этак, сумел сложить нечто похожее на принесенную когда-то в сарай статуэтку. Женской фигурке не хватало только головы. В надежде отыскать недостающий фрагмент мальчишка зажег спичку. Затем еще и еще... Но все было бесполезно: заветного осколка нигде не было видно. В конце концов, мальчишка отчаялся найти пропажу. Однако когда он, сжимая в пальцах зажженную спичку, поднял взгляд от татами, то не смог сдержать удивленного возгласа: прямо перед ним, озаренная неверным светом, смутно белела гипсовая головка богини, которую он искал. Вот только выглядела она слишком большой — словно это была отрубленная человеческая голова! Как следовало далее из рассказа, мальчишка испугался и убежал...

Страх перед гипсовым призраком боролся в сердце ребят с любопытством. И у некоторых любознательность в итоге все-таки взяла верх. Собравшись вместе, эти смельчаки отправились в убежище. Но стоило только им забраться под крышу и увидеть раскиданные по старым, пропахшим плесенью матам обломки гипсовых рук и ног, как на них повеяло какой-то жутью, и они тут же, не сговариваясь, с дикими воплями кубарем скатились вниз с потолочных балок и выбежали из сарая.

Пришлось детям покинуть облюбованное место, которое в течение нескольких месяцев служило им тайным укрытием.

Впрочем, замена ему нашлась довольно быстро.

Отыскав себе однажды превосходное убежище, мальчишки приобрели отличный нюх на такого рода закутки и теперь обнаружили

подходящее местечко под полом одного буддийского храма. Они перетаскивали туда несколько циновок из осоки, по-видимому, как всегда, где-то украденных, и начали новую игру — на этот раз, окопавшись, словно кроты. Под полом было не так жарко, как в сарае. И поскольку близилось лето, очередное укрытие особенно приглянулось ребятам именно своей прохладой. Правда, там было слишком темно и сыро, и мальчишки порой начинали сомневаться, бодрствуют они или же видят какой-то дурной сон. И тогда тихонько, с тоской вспоминали свое прежнее житье-бытье на потолочных балках.

Но был в их компании паренек, который не боялся в одиночку подниматься под крышу сарая и втайне ото всех, даже от своих друзей, как и прежде, шуршал там, продолжая привычную мышьину возню.

Мальчик этот совсем недавно потерял мать. И сильно тосковал по ней. Временами он просто не мог сдерживать рыданий. Но, надо отдать должное детской гордости, он совершенно не выносил, когда кто-либо становился свидетелем его слез. И потому упорно искал в минуты подобных порывов возможность уединиться.

Он любил царивший в сарае полумрак и иногда втихомолку плакал, укрывшись в этой темноте от взглядов товарищей. Слезы, которые он проливал в убежище, доставляли ему какое-то особое, почти физическое наслаждение. При этом он часто представлял себе, что окружающие его приятели исчезли и никого рядом больше нет. Эти фантазии и подсказали ему один отчаянный план.

На самом деле история о гипсовом призраке была выдумкой этого мальчугана. Он успешно претворил свою затею в жизнь. И в результате оказался единственным, кто мог безбоязненно подниматься в потайную комнатку, не пугаясь разбросанных повсюду обломков гипсовой фигурки... Хотя невозмутимость его, надо признать, не имела ничего общего со смелостью и бесстрашием перед лицом сверхъестественного: он просто-напросто обманул своих друзей...

Шли дни. Однажды, вдоволь наплакавшись в убежище, которое теперь принадлежало ему одному, мальчишка отчего-то не захотел возвращаться домой, а лег прямо там, на матах. На улице незаметно стемнело. Он почувствовал, что голоден, но не предпринял даже слабой попытки встать.

Потом вспомнил об отце. После смерти жены тот стал вдруг очень ласков к сыну и теперь наверняка волновался о ребенке, до сих пор не вернувшемся домой, ждал его и сам не садился ужинать. Но даже этих мыслей оказалось недостаточно, чтобы заставить мальчика податься. Как будто какая-то неведомая сила приковала его к матам.

Мало-помалу его стала одолевать дремота. Он понял, что засыпает. И почти в то же самое время принялся непроизвольно, словно лунатик, подбирать и прикладывать друг к другу валявшиеся вокруг осколки гипса. По правде, ему и самому было не совсем понятно, что происходит: то ли однообразные действия погружали его в сон, то ли ему просто снилось, что он пытается собрать статуэтку. Но, как бы то ни было, это необычное дело у него спорилось, и вскоре из-под детских рук появилась гипсовая Венера — почти такая же, как раньше, до поломки. Отсутствовала только голова. Разыскивая ее, мальчик извел не одну спичку. И, в конце концов, заметил во мраке перед собой гипсовый женский лик — такой же, как обычное человеческое лицо, ничуть не меньше: все было именно так, как он сам когда-то сочинил. Действительность (или же греза?) как будто бы в точности повторяла его выдумку. Но был один момент, в котором происходящее удивительным образом превзошло вымысел: лицо гипсовой богини было как две капли воды похоже на лицо покойной матери мальчика. Что-то заставило его всерьез поверить, будто перед ним — его мама, поэтому он изо всех сил старался скрыть обьявивший его сердце ужас. В какой-то момент на лице ее словно бы промелькнула нежная улыбка. Затем она вдруг склонилась над ребенком и легонько, едва касаясь, поцеловала его в губы. Мальчик ожидал, что поцелуй этот будет пугающе холодным... но губы ее оказались теплыми, *точно она была живой*. В следующую секунду его захлестнула волна совершенно неизъяснимого восторга, в котором странным образом сплелись во-едино страх и чувство любви.

НАБРОСОК СМЕРТИ

— Не могли бы вы завести граммофон? — говорю я, обращаясь к ангелу, что стоит возле моей кровати.

Здесь, в больнице, я вверен заботам этого светлого существа, облаченного в белую сестринскую форму.

— Что поставить?

— Ноктюрны Шопена, пожалуйста...

...Из рупора граммофона появляется маленькая ярко-красная птичка и залетает мне в ухо. Какое-то время она свободно кружит внутри меня, порхает среди переплетающихся, точно голые ветви, костей, а затем усаживается на одно из ребер. Каждый взмах ее крылышек вызывает у меня мучительный приступ кашля. И вот, чтобы усыпить эту птаху, мне уже требуется ингалятор...

Ангел способен видеть все то, что мне снится, и часто настраивает мои сновидения на нужный лад. Это входит в обязанности медсестры. Девушка улыбается и ставит другую пластинку.

Я писал письмо. Делал я это украдкой, стараясь не привлекать внимания ангела, поскольку вести переписку мне запретили. И все же медсестра заметила неладное.

Я попытался было спрятать бумагу, но тщетно.

— Покажите письмо, — сказала она.

— Это исключено.

— Может быть, все же проявите благоразумие?

— И не подумаю!

— В таком случае, прочтите мне его, пожалуйста.

Я вынужден был уступить. Но про себя твердо решил, что неудачные пассажи зачитывать не стану.

— «Голубка моя!..»

— Ого!

— «...Я должен признаться тебе в чем-то ужасном. Дело в том, что я уже мертв! Хотя в чем вообще состоит разница между жизнью и смертью? Я и сейчас могу прийти к тебе — в любой день и час, стоит

только пожелать. Правда, ты теперь прийти ко мне уже не сможешь. И это удручает, ты не находишь? Зато теперь все будет гораздо проще! Когда я был еще жив, мы, сами того не замечая, частенько раздваивались — и нас становилось четверо. Под конец мы с тобой совсем запутались: где здесь ты, где я, где твой образ, живущий в моем сердце, где мой образ, созданный тобою? Все это страшно смущало. Но теперь-то ничего подобного уже не произойдет. Так что ты, пожалуйста, не печалься особо о моей кончине. Как сказал один поэт, живые и мертвые — словно две стороны одной медали: так безнадежно далеки и в то же время так близки друг другу...»

Я дочитал письмо. Ангел мой оказался весьма любопытен. Но заинтересовало девушку, похоже, не столько само послание, сколько адресат:

- И где же сейчас ваша возлюбленная?
- В подвале здания «Парадайз»...
- Что ж, стало быть, и у рая тоже есть свой подвал? И что она там делает?.. Дайте-ка угадаю. В баре работает?
- Все верно, в баре «Блу Берд», — я невольно улыбнулся.
- Вам сколько лет?
- Почти девятнадцать.
- А знакомы с ней давно?
- Да тысячу лет уже, не меньше!.. По крайней мере, мне так кажется...

На первом же нашем randevу мы с ней условились так: давай-ка посмотрим, кто из нас двоих сумеет причинить другому больше страданий? И потому, например, девушке моей не раз приходилось подолгу и, самое главное, впустую ждать от меня писем. Видимо, вполне испытал на себе, как это тяжело, она, в свою очередь, решила вообще мне не писать.

Мы были совершенно увлечены игрой в «мучителей». В конце концов, дошло до того, что в один прекрасный вечер, порядком истомившись на парковой скамье в ожидании возлюбленной, я вдруг почувствовал слева в груди резкую боль. После этого случая болезненные ощущения стали появляться ежедневно, словно меня жалило засевшее глубоко в груди острое шило.

Я, разумеется, усмотрел причину этого непонятного недуга исключительно в слишком сильных любовных переживаниях.

О своих романтических муках я никому не рассказывал. Даже своей пассивности.

И все же однажды не выдержал и невольно скривился при ней от боли.

— Что с тобой?

— Все в порядке!

— Тогда с чего вдруг такое выражение лица?

— Просто вспомнил один мерзкий сон, который привиделся мне сегодня под утро.

— И что же тебе приснилось?

— Что меня съел крокодил.

Было очевидно, что ответ мой девушку не успокоил: она все истолковала по-своему и даже за этой моей секундной гримасой не увидела ничего, кроме признаков ожидающих ее саму мучений.

Я же, наконец, в полной мере ощутил, что взаимная любовь — это именно боль и бесконечное истязание друг друга.

И вот — наша последняя ночь вдвоем...

Но кто мог знать тогда, чем все обернется? И нам казалось: ночь как ночь — такая же, как все остальные.

А на следующее утро, уже собравшись уходить, я подошел к зеркалу, чтобы повязать галстук, и в этот момент увидел вдруг, как мой зеркальный двойник, страшно побледнев, словно подкошенный валится на пол. После этого у меня начался сильнейший жар, и вскоре я оказался в больнице.

Врач поставил диагноз: острая пневмония. По его словам, мучившая меня до сих пор боль в груди была не чем иным, как предвестницей подступающей болезни.

Я счел его заключения весьма наивными.

Той ночью я никак не мог уснуть.

Температура у меня поднялась почти до сорока, и мне казалось, будто я медленно поджариваюсь на своей койке, горячей, словно прокалившийся за день на солнце прибрежный песок.

Я метался в постели и постепенно, как лежащего на песчаном берегу человека охватывают и пропитывают подступающие воды прилива, так и меня пропитывало небытие. Краски жизни потихоньку размывались, оставляя по себе лишь мертвенную бледность.

Когда врач приходил ставить уколы, ему всегда ассистировал отечавший за меня ангел в белых сестринских одеждах.

Правда, ангел мой только и делал, что совершал одну ошибку за другой, постоянно путая подкожные и внутривенные инъекции.

Организм мой был и без того ослаблен, и каждый раз, когда сестра ставила не тот укол, я впадал в состояние коллапса. В нос бил запах ментола, и я, покидая сферы осознаваемого, словно на лифте, стремительно погружался в чертоги забытья.

Во время одного из таких приступов мне, как будто сквозь туман, привиделось, что отвечающий за меня ангел, страшно паникуя, собирается вливать мне в рот какие-то красные чернила. Я попытался было воспротивиться, но ощутил вдруг, что сил моих на бунт уже не хватает, и в тот же миг окончательно потерял сознание.

Очнувшись, я постарался убедить себя в том, что увиденное было всего лишь предобморочным бредом. Однако с тех пор меня неотступно преследует странное ощущение, будто в кровь мою подмешаны чернила.

Как раз тогда у меня впервые зародились подозрения: а что, если мой ангел — это переодетый в светлые одежды посланник Смерти?

Ведь стоило принять эту мысль, и многое из того, что до сих пор вызывало у меня недоумение, сразу становилось понятным! И прежде всего, конечно, приступы, которые постоянно провоцировала эта особа. Что это, если не *dessin* — своего рода репетиция моей кончины? И не проступает ли постепенно на моей руке витиеватая татуировка — инициалы Смерти, которые незаметно наносит медсестра, раз за разом вводя мне под кожу иглу?

В одну из ночей, не в силах уснуть, я долгое время пребывал на грани сна и яви. Свет прикрытого красной хлопчатобумажной тканью ночника, более уместного в каком-нибудь кошмарном видении, придавал палате зловещий вид.

В соседней комнате пронзительно зазвонил телефон. Затем смолк. Вместо его призывных трелей до меня донесся голос ангела: «...Это я... да, сегодня в два часа ночи... в таком случае, не стоит ли мне вызвать лифт?.. понятно... да, все остальное уже готово».

Девушка повесила трубку.

Слышно было, как она торопливо забегала по комнате туда-сюда. Затем вдруг раздался оглушительный рев, как будто завели мощный двигатель.

В то же мгновение я ощутил, что все мое тело стремительно и резко — словно через него пропустили электрический разряд — онемело.

Я совершенно не сопротивлялся, приняв неизбежное. Успел только прошептать: «Неужели это и есть — смерть?.. Если так, то еще ничего...»

Ангел мой, судя по звукам, переживал и суетился куда больше моего. Часы проббили два.

Девушка с растерянным видом зашла ко мне в палату, затем, не удусужившись даже прикрыть за собой дверь, прошла в коридор и далее — на лифтовую площадку. Похоже, она собиралась вызвать лифт, но замешкалась, не зная, какую кнопку ей следует нажать: «UP» или «DOWN».

В конце концов, отринув сомнения, девушка нажала кнопку «DOWN». Но разве не должна она была поступить наоборот?

Как и следовало ожидать, кабина лифта, в которой поднималась Смерть со своими приспешниками, не останавливаясь, проплыла мимо нашего этажа и унеслась наверх.

...Все это я прекрасно видел со своей койки через полуотворенную дверь.

До того момента, когда кабина лифта должна была вновь спуститься на наш этаж, оставалось еще какое-то время... И я закричал. На голос мой примчался врач — оказывать больному первую помощь. Так я избежал едва не настигшей меня Смерти.

Ангел по рассеянности и невнимательности столько раз подвергал мою жизнь опасности! И вот теперь очередная его небрежность — в самую последнюю секунду! — спасла меня от встречи с Безносой.

Стало быть, жизнью я обязан преданному помощнику Смерти — моему ангелу.

Хотя мне и удалось в итоге избежать беды, но одно из моих ребер к тому времени пришло в полную негодность.

Было решено: чтобы я жил долго и счастливо, загнивающую кость нужно полностью удалить.

Мне ничего не оставалось, как смириться и постараться пережить эту чудовищную операцию...

— Может быть, взамен вы сотворите мне из этого ребра Еву?..— говорю я, обращаясь к ангелу, что стоит возле моей кровати.

Перевод с японского Екатерины ЮДИНОЙ